

18+

Я ТЕБЯ ВИЖУ

Евгения Антонова

Евгения Антонова

Я тебя вижу

«Издательские решения»

Антонова Е.

Я тебя вижу / Е. Антонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-591992-2

Стасик приезжает в большой город, чтобы поступить в университет и начать жить самостоятельно. Он замкнут, но будто сами собой у него появляются друзья и странный знакомый, о котором ничего не известно, кроме клички — «Гавроха». Но размеренная жизнь переворачивается из-за случайного взгляда незнакомки. В одно мгновение Стасик понимает, что теперь она — его главная цель. Герои этой истории — уже не дети, но ещё и не взрослые, они живут на стыке двух миров: реального и мистического.

ISBN 978-5-00-591992-2

© Антонова Е.

© Издательские решения

Содержание

I. Я тебя вижу	6
II. Блошиный рынок	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Я тебя вижу

Евгения Антонова

Книга издана при поддержке Министерства Культуры РФ и Союза российских писателей

Ангелина Прохорцева *Иллюстратор*

© Евгения Антонова, 2022

© Ангелина Прохорцева, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0059-1992-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. Я тебя вижу

Огромные настенные часы громко отсчитывали секунды под потолком аудитории. Ниже над доской висели три портрета, с которых Николай Лобачевский, Фридрих Гаусс и Исаак Ньютон глядели на абитуриентов.

Стасик относил тяжёлый взгляд Николая Ивановича на свой счёт, мол: «Что же ты, вьюнош, забыл в этом храме науки?». А затем, по разумению Стасика, после недолгой паузы должен последовать мрачный злодейский смех. Ответственным за злорадство Стасик назначил седого мужчину в халате и чёрной мягкой шапочке – этому как будто было наплевать на всё, что делается внизу, словно он только проснулся и ожидает утренний кофе. Табличка с именем отвалилась от рамы портрета, поэтому математик в шапочке остался временно неопознанным.

Третьим был Исаак Ньютон, меланхолично глядящий в сторону двери. Про Ньютона Стасик знал немного, но хотя бы видел его раньше в школьном учебнике по физике для седьмого класса. Учебник ему достался из библиотеки, и знаменитая история с яблоком там была замечательно проиллюстрирована на полях. По всему выходило, что Ньютон среди собравшихся был самым нормальным парнем. Точно такой же портрет висел в его школе, в классе по физике. Без сомнения, во всех классах физики на планете был портрет, с которого Ньютон с ноткой печали созерцал всё новые и новые поколения оболтусов.

– До конца экзамена осталось пятнадцать минут.

Голос наблюдающего преподавателя раздался так неожиданно, что Стасик вздрогнул. По всему телу пробежал неприятный холодок, а ладони мгновенно вспотели. Три часа пролетели как мгновение, а на его листке всё ещё одиноко ютилась строчка «Вариант №1». Стасику стало как-то неуютно. Он придвинул к себе «обложку работы» – сложенный пополам лист с напечатанным именем, номером экзаменационной группы, названием предмета и каким-то цифровым кодом. Кроме обложки, сдавать было нечего. Вложенные листы для работы – целых восемь штук, что за издевательство – буквально слепили пустотой, и Стасик был уверен, что свет этот подобен маяку в безлунную ночь.

«Стась, ты слишком-то не переживай, ты у меня умненький мальчик... Я с тётей Любой поговорю, к ней на работу тебя пристроим, если что...» – отозвался в голове голос матери, и нарастающая паника как по щелчку превратилась бессильную апатию. «Даже и пытаться не стоило, только время потерял», – подумал Стасик, вставая с места. Силы у него совершенно кончились, и даже отодвинуться на стуле оказалось трудной задачей. Тем не менее он поднялся.

Одновременно с ним из-за соседнего стола встал ещё один паренёк. Стасик обратил на него внимание ещё в самом начале – он пришёл в брюках, рубашке с галстуком и вязаной жилетке. В августе. Весь его ухоженный вид и прилизанные волосы с аккуратным пробором вызвали у Стасика мгновенное отторжение.

«Маменькин сынок с синдромом отличника», – промелькнуло у него в голове, и это была третья оформленная мысль за прошедшие три часа.

Паренёк собрал свои листы в стопку, вышел из-за парты, но остановился, обнаружив, что своей вязаной жилеткой зацепился за спинку стула.

– Блин! Чёрт...

Он растерянно осмотрелся и, найдя взглядом Стасика, протянул ему свои листы с решением.

– Помоги, пожалуйста...

Стопка была толстая и мягкая – листы, с обеих сторон исписанные убористым почерком с нажимом, пошли волной. Все восемь штук. Как немой упрёк, молчаливое, высокомерное превосходство. Пустота в голове начинала потихоньку гудеть, и Стасик, к своему удивлению, отметил, что наблюдает за собой как бы со стороны. Он даже представил, как секундная

стрелка часов с усилием разрезает собой толщу времени, пока он медленно, ватными пальцами, словно бы не по своей воле, вытаскивает хрустящие листы и вкладывает их в свою обложку. Прячет постыдную наготу под чужим именем.

«Анисимов Виталий Игоревич» – ещё один обрывок мысли в звенящей пустоте.

Такими же непослушными ногами он шагнул к столу экзаменатора. Сердце ухало у самого горла, каждое движение давалось с трудом, будто он вёл своё тело как марионетку.

Едва помня себя, он положил работу на стол и направился к двери.

– Молодой человек, – окликнул его преподаватель.

Стасик на мгновение замер, а затем неловко, как замороженный, обернулся. «Ну, вот и всё, закончилось моё приключение в большом городе...»

– Я?

– Да, вы.

Экзаменатор постукивал пальцем по стопке листов перед собой. Колени Стасика подкосились, он бросил взгляд на ботаника. Тот уже закончил возиться со стулом и, повесив сумку на плечо, стал спускаться между рядами вниз.

– Листочки внутрь обложки положите, пожалуйста, чтобы не перепуталось ничего.

Стасик подошёл к столу. Пустая обложка с именем ботаника была сверху, чистые листки лежали сразу под ней. Скупыми скованными движениями, стараясь закрыть собой этот вопиющий позор, Стасик вложил их в обложку.

– Я всё вижу! – рявкнул экзаменатор, стуча по столу металлической ручкой.

Стасик вздрогнул и съёжился, втягивая голову в плечи. Экзаменатор глядел в другой конец аудитории, где копошились абитуриенты в последнем рывке на финишной прямой.

«Скорей бы всё это закончилось!» – думал он, на непослушных ногах шагая к выходу.

В коридоре легче не стало: людей было гораздо меньше, и все они были заняты своими делами. Но Стасику всё время чудилось, что кто-то за ним наблюдает. И ботаник этот, Виталик, слишком внезапно исчез из виду, словно бы растворился. Из аудитории вышел, а в коридоре его нет. Стасик искал его глазами, но нигде не находил, и это только усиливало его беспокойство. Вдруг у него от волнения рассудок помутился и он придумал себе, что украл чью-то работу, и никакого ботаника вовсе не было? Да и кто в летнюю жару надевает вязаную жилетку? Это же явно какой-то бред. Сердце Стасика снова заколотилось со страшной силой. Нужно было выйти на улицу и перевести дух.

По стрелкам-указателям Стасик дошёл до конца коридора и оказался на небольшой галерее. Разыскивая взглядом следующую стрелку, он заметил ещё один портрет Ньютона.

– Да ты следишь за мной, что ли? – пробормотал Стасик себе под нос.

Паническая пульсация в голове и груди не прекращалась, скорее наоборот, захлёстывала с новой силой. Стасику хотелось бежать, но он сдерживался, боясь привлечь к себе внимание. Наконец он заметил лестницу, ведущую вниз, он спустился на первый этаж и вырвался на свежий воздух. Сердце всё ещё взволнованно стучало – наконец он смог покинуть давящие стены, свидетелей его преступления. Он сделал пару шагов в сторону от двери и сел на корточки, опершись спиной о стену. Только теперь он понял, что оказался во внутреннем дворе учебного корпуса. Часть противоположной стены была закрыта строительными лесами, рядом с ними стоял большой мусорный контейнер, а сразу за ним – две облезлые лавочки.

Стасик осмотрелся в поисках выхода. Он прошёл через двор к лавочкам и уже оттуда заметил арку с коваными решётчатыми воротами. Естественно, ворота были закрыты на замок. В груди у Стасика заныло. Он понимал, что просто слегка заблудился в незнакомом здании, в его городе таких громадин, наверное, вообще нет. Да и можно ли по-настоящему заблудиться где-то, когда в руках всегда есть смартфон с интернетом и картой местности? Но в споре с чувствами рассудок Стасика проигрывал. В данную минуту он видел себя загнанным в ловушку

зверем, и какой-то первобытный инстинкт запрещал ему возвращаться в здание университета, настойчиво гнал вперёд.

Мысленно повторив свой путь, Стасик понял, что в последний раз свернул не в ту сторону, но возвращаться в корпус ему совсем не хотелось. Может, оно и к лучшему, что он заблудился – не придётся лишний раз показываться никому на глаза, включая сэра Исаака Ньютона.

Поглядев ещё раз на ворота, Стасик наконец решился. Он просунул сумку снизу, а сам, ухватившись за кованые вензеля, стал карабкаться через решётку.

«Вот кто посмотрит – стыдоба деревенская...» – думал он, слезая с решётки.

Он подхватил сумку и, стараясь не глядеть по сторонам, поторопился уйти куда-нибудь подальше.

Стасик шёл наугад довольно долго, не сбавляя скорости. И лишь только завидев впереди парк, немного успокоился. В мыслях его всё ещё была путаница, и чтобы как-то прийти в себя, он решил посидеть немного в одиночестве. Конечно, в большом городе настоящего, «правильного» одиночества не найдёшь – даже в будний день улицы и парки полны людей, и сколько ты парков и скверов ни разбивай, сколько улиц ни прокладывай – всё равно их заполонит собой кишасящая, гудящая толпа.

Отыскав на боковой тропинке свободную скамейку, Стасик поспешил её занять. Он положил свою сумку на некотором отдалении от себя, намекая, что место занято. Хотя вряд ли кто-нибудь ещё захотел бы на неё садиться: от скамейки осталась целой только спинка и пара узеньких дощечек с краю вместо сиденья. Так, при попытке откинуться на спинку можно было провалиться в образовавшуюся дыру.

Стасик уселся, насколько это было возможно, на остатки скамейки. На него вдруг навалилась сильная усталость, словно он с самого рассвета поднимал тяжести. Ощущение собственного тела тоже потихоньку начало к нему возвращаться: ноги и руки больше не казались ватными. Он даже тихонько пошевелил пальцами, чтобы убедиться, что управляет ими напрямую, а не посредством невидимых нитей и палочек. Вот он весь здесь, телом и разумом в едином месте и в едином времени.

Мысль о собственной целостности немного приободрила Стасика. Забывшись, он откинулся назад и моментально соскользнул в дыру между спинкой и остатками сиденья. Тут же откуда-то сзади раздался звонкий девичий смех. Неуклюже выбравшись из этой глупой ловушки, Стасик обернулся, чтобы посмотреть на тех, кто посмел над ним смеяться. В нём уже поднималась волна обиды и злости. Что в этом смешного, когда человек упал?

На лужайке за скамейкой в нескольких метрах от него стояли две девушки. Они фотографировались на телефон: то обнимались, то корчили рожицы и смеялись, поглощённые своим занятием. Стасик почему-то почувствовал себя неловко. Он не заметил, как засмотрелся на девочек, и его будто бы током ударило, когда одна из них вдруг обернулась. На мгновение Стасику показалось, что она смотрит на него, но её взгляд на нём не остановился, продолжая что-то искать.

– Вот, пойдём туда. – Она показала рукой за спину Стасика. – Там дорожка выходит к пруду с китайским мостиком.

Её подруга, не отрываясь от телефона, кивнула, и девочки зашагали к пруду.

«Всё верно, – подумал Стасик. – Словно меня и не существует».

Он никогда не питал иллюзий относительно своей неотразимости в глазах девушек. Но одна из них сегодня – совершенно точно – заметила его. Просто почему-то не подала виду, но он, в свою очередь, поймал этот мимолётный взгляд, и теперь его было не переубедить. И с чего бы ей не обратить внимание на человека, который стоит в такой непосредственной близости? Она тоже что-то почувствовала? *увидела*

Он вдруг вцепился в эту мысль, стал прокручивать в голове произошедшее в мельчайших деталях, и с каждым повторением в нём всё сильнее укреплялась вера в то, что эта встреча была неслучайной. Стасик вдруг понял, что это – судьба.

Он снова уселся на своей жерди и задумался – не дурак ли он? Может, ему стоит догнать девчонок и познакомиться? Или тоже пойти к пруду и как бы случайно столкнуться...

– Привет!

Стасика выдернуло из размышлений. Прямо перед ним стояли двое молодых людей – девушка и парень. Как мидвичские кукушки, они держались за руки и с отстранённым выражением на лицах смотрели на Стасика. Конечно, внешне они не выглядели как инопланетные захватчики. Черноволосый невзрачный парень мог бы с лёгкостью затеряться в небольшой группе студентов – настолько обычным он был. Но на фоне своей подруги с лимонно-жёлтыми волосами, розовой шляпкой и многослойным нарядом расцветки «попугай» – тоже привлекал внимание.

– Привет, – повторила девушка.

– Не занято? – спросил парень.

Эти двое были настолько же разными, насколько невероятно одинаковыми они ощущались. Их слова прозвучали как реплика одного человека: «Привет, не занято?» Стасик на секунду задумался над этим своим открытием. Так и не дождавшись ответа, парочка уселась рядом.

– Мы тебя видели, – дружелюбно продолжила девушка.

– Ээ... Ну круто, – неохотно отозвался Стасик, вставая с места. – Рад за вас.

Он уже решил следовать своему плану «случайной встречи» с той девушкой, тем более что новые соседи по скамейке своим видом дали ему понять, что собираются тут обосноваться на некоторое время.

– Нет, ты не понял. – Девушка-попугай загадочно улыбнулась и чуть наклонилась к Стасику. – Мы тебя *видели*

– На экзамене, – уточнил парень.

Стасик растерялся. Три часа он сидел на экзамене, силясь выдавить из себя хоть что-то разумное, разглядывал аудиторию и всех сидевших в ней абитуриентов, но не заметил никого в настолько ярком наряде. Вообще, Стасику не хотелось вспоминать ни экзамен, ни своё «преступление», ни последовавшее за ним малодушное бегство. Мысли разрозненно возникали в голове, но оставались такими же бессвязными. Солнечные лучи иногда пробивались сквозь густые кроны деревьев и иногда слепили глаза. Эти вспышки отвлекали, и двое странных ребят тоже отвлекали, почти раздражали Стасика. Он просто хотел побыть в одиночестве, но и это право, видимо, нужно было заслужить.

– И что?

– Ну...

Парень пожал плечами и собрался было что-то сказать, но Стасик его перебил:

– Я понял. Вы очень интересные, правда, но мне пора.

Он поднялся со скамейки и торопливо зашагал в ту же сторону, куда пошли те две подружки.

Парень с девушкой переглянулись. Они сели рядом, глядя перед собой.

– Как считаешь, что он почувствовал?

– Не знаю, я хотел ему сказать, что когда ты знаешь, что тебя видели и, возможно, видят прямо сейчас, в этот самый момент... Ну, это беспокоит как-то.

– Классная мысль.

– Спасибо. Мороженое будешь?

– Ага.

Парень встал и подошёл к лотку с мороженым, взял два в картонных стаканчиках и к ним – две деревянные палочки.

– Вкус детства, – сказала девушка, принявшись за своё мороженое. – Этот привкус картона, аромат деревянной палочки...

– Знаешь, возможно, мы слишком нудные даже для этого факультета.

– Надо было идти на философский?

– Надо было никуда не ходить, – спокойно ответил парень и занялся мороженым.

* * *

Стасик бежал по парку, отчасти надеясь нагнать тех девочек, но они будто испарились. Вокруг гуляло много людей, и среди такого мельтешения было трудно кого-то найти.

«Может, они обошли пруд с другой стороны?»

Высматривая их по другую сторону пруда, Стасик побежал по узкой тропинке. Он даже не помнил, как они на самом деле выглядели, в его памяти отпечатались размытый образ и странный пронзительный взгляд девочки, которая посмотрела на него. Он был уверен, что наверняка узнает её, когда они снова встретятся.

Стасик успел сделать несколько шагов, прежде чем натолкнулся на кого-то. Парень, ещё школьник на вид, невысокий и худощавый, ехал на самокате ему наперерез и, не меняя траектории, бросил самокат. Стасик споткнулся и упал, а владелец самоката, словно не замечая Стасика, забежал на газон и что-то поднял.

– Ты, блин, нормальный вообще? – крикнул Стасик.

Парень, прищурившись, посмотрел на Стасика, затем взглядом как будто проследил траекторию его движения. Возможно, он для себя решил, что Стасик бежал не туда, куда стремился он сам. Не на газон.

– О, пятихатка, – сказал он зачем-то, с такой интонацией, будто сам удивился.

В руке у него была пятисотрублёвая купюра, которую он подобрал с земли. Он ловко ощупал её пальцами, проверяя на подлинность, поднял вверх, посмотрел на просвет.

– Никто пятихатку не терял? – протараторил он так громко и так быстро, что было не разобрать.

Разумеется, никто, кроме Стасика, не обратил на него внимания. Это был маленький спектакль для двоих – актёра и случайного зрителя, и совершенно очевидно, поиск владельца купюры в целях не значился. Стасик этого представления не понимал: нашёл и нашёл, бери.

– Отлично, – удовлетворённо кивнул он сам себе и положил купюру в карман рюкзака. – А ты чего? – Он протянул руку, чтобы помочь Стасику встать с земли. – Куда бежишь?

Стасик принялся отряхивать штанину.

– Да так, уже никуда. – Он вздохнул так тоскливо, что парню с самокатом как будто стало не по себе. Он несколько странно, неловко улыбнулся.

– Хочш лимонада? Или морожку? Я угощаю.

Он достал из кармана только что подобранную купюру. Стасик присмотрелся к пареньку внимательнее и обнаружил, что перед ним точно не школьник. Щуплое телосложение незнакомца и самокат ввели его в заблуждение. Сложно было сказать, сколько тому лет, но теперь он показался Стасику очень взрослым. Необычным взрослым.

– С чего это?

– Да ты замороченный какой-то... Упал вот. Мне ж не жалко человека поддержать.

Стасик пожал плечами. Можно считать, что за сегодняшний день он познакомился с пятью новыми людьми, и все они оказались какими-то чересчур странными. Но ведь не бывает так, что все вокруг какие-то не такие. Логичнее предположить, что это Стасик – не такой. «А я и есть не такой», – тут же решил Стасик, вспомнив свой родной городок.

За час с небольшим там можно было обойти весь центр, исходить парк вдоль и поперёк, обязательно встретив нескольких знакомых. И все люди в его городке были совершенно обычными, нисколько не примечательными, без ярких нарядов и странных выходок – простыми и понятными. При взгляде из большого города земляки казались Стасику неигровыми персонажами неказистой компьютерной игры. «Без затей», как сказала бы мама.

В большом городе всё не так, как дома.

– Я шас тебе тут всё покажу, – снова заговорил парень с самокатом. – День отличный вообще. Я уже за сегодня столько приколюх нашёл! Там, за мостом, – он показал назад взмахом руки, – заброшенная инфекционка...

– И ты туда ходил? – спросил Стасик с недоверием в голосе.

Парень тут же, одной рукой держа самокат, второй рукой стал расстёгивать свой рюкзак. Пошарив там немного, достал тёмную дверную ручку с зеленоватыми пятнами.

– Латунь! Восемнадцатый век!

– Ого...

Стасик, конечно, был поражён, но никак не мог определиться, чем именно: не то прогулкой по заброшенной инфекционной больнице, не то тем, что этот чудик притащил оттуда несколько латунных ручек. Пяти минут не прошло с момента их «знакомства», а он уже устал удивляться.

– Ты откуда знаешь, что восемнадцатый век?

– Да я так, примерно, – дёрнул плечами парень. – Если не купят как антиквариат – сдам в цветмет, всяко прибыль.

– Ладно... А как ты узнал, что я не местный?

– Ну так ты же только что сказал.

– Когда?

– Вот прям шас, когда только что спросил.

Он издал короткий смешок, который можно было расценить и как нервный, и как неуверенный.

– Но ведь ты первый предложил мне тут «всё показать», как будто на мне написано, что я...

У Стасика зазвонил мобильный телефон. Новый знакомый показал Стасику пятьсот рублей и на самокате поехал к лотку с мороженым.

– Мам, привет. – Стасик поднял трубку. – ...Ну откуда я знаю, результаты только через неделю... Сам я пока никак не думаю... Нормально. Ну мам! – Стасик вздохнул, закатывая глаза. – Извини... У меня ещё никакой компании нет, ни сомнительной, ни... обыкновенной.

«Сколько, интересно, ему лет», – думал Стасик, наблюдая, как его новый знакомый покупает два мороженных, фигурные разноцветные леденцы и лимонад. Удерживая ногой самокат от падения, одной рукой он расстёгивал рюкзак и складывал туда лимонад с леденцами, второй рукой расплачивался с продавцом. Получив сдачу, он закинул её в основное отделение и взял освободившейся рукой два мороженных. Со стороны казалось, что он жонглёр.

– Если по баллам пройду – останусь в общежитии... Ма-ма! – Видя, что парень на самокате возвращается, Стасик поспешил закончить разговор: – Я вечером позвоню.

«Не попадай, пожалуйста, в сомнительные компании», – сказала мама, и Стасик сразу же подумал о том, что его спутник с самокатом всё ещё находится в разряде «незнакомец» и, скорее всего, как раз попадает под «сомнительную компанию».

– Тебя, кстати, как зовут? Меня – Стас.

Стасик протянул парню руку.

– Меня все называют Гаврохой. – Парень пожал руку в ответ и издал нервный смешок. – Говорят, что из книжки, но я не читал.

– А на самом деле?

– Да прилипло уже, зови так.

Стасик только пожал плечами – «ну ладно, бывает».

– Куда пойдём?

– А хэ-зэ. Куда глянется.

Гавроха коротко усмехнулся и, закинув рюкзак на плечо, прибавил шаг. Следуя его непостижимому внутреннему компасу, ребята вышли из парка и пошли по узенькой улочке с высокими старинными домами.

В экзаменационной суете Стасик так и не успел как следует осмотреться и познакомиться с городом. Он шагал за Гаврохой, не слишком задумываясь, куда они всё-таки идут, и по возможности разглядывал всё вокруг. Почти все старые дома в центре были украшены вензелями и лепными узорами, и на каждом обязательно красовались барельефы человеческих лиц. Некоторые спокойно смотрели с высоты, другие же корчили гримасы, но и те и другие казались Стасику немного жутковатыми. Некоторые здания были увенчаны башенками с круглыми окнами, в некоторых из них можно было даже заметить человеческое присутствие. «Круто, наверное, жить в башне», – подумал Стасик, и словно прочитав его мысли, Гавроха спросил:

– А ты щас это, ну... В общаге живёшь?

Гавроха чуть прибавил шаг, не переставая при этом обшаривать взглядом каждый закоулок вокруг.

– Типа того, – ответил Стасик, и, чуть помолчав, продолжил: – Я иногородний, так что на время вступительных экзаменов предоставили временно комнату. Если поступлю, то поселят уже на постоянку, может, даже в какое-нибудь другое место.

– А я вот после школы работать пошёл. На завод.

Стасик бросил на Гавроху недоверчивый взгляд: такой щуплый – и на завод. Но Гавроха не обратил на это никакого внимания. Он словно существовал на своей волне, равнодушный к суждениям других людей о нём.

– Если хочешь, можешь пожить у меня в мастерской, там свет-вода-отопление есть. Типа убежище моё.

– Ты живёшь в убежище?

– Нет, я живу дома, а убежище – это чтобы не отвлекал никто. Ну и там я храню всякие штуки...

– Типа дверных ручек?

– Не, что-нибудь более ценное.

– А не боишься меня пускать? Если я что-то украду?

Гавроха остановился и ещё раз пристально посмотрел на Стасика.

– Да не, тебе оно тыщу лет не сдалось.

Что именно значит «тыщу лет не сдалось» – Стасик не понял, но был заинтригован.

– Покажешь?

Гавроха ничего не ответил, только ускорил шаг, и Стасик поспешил за ним.

– Жуть, да?

Гавроха обратил внимание на интерес Стасика к лепнине на домах. Стасик ничего не ответил.

– Это реально посмертные маски всяких чуваков. Тех, кто в этих домах помирал. Ну, во время потопа. И типа когда вода отступила, всем, кто там, в этих домах, помер, сделали слепки лиц и повесили на фасады. Чтобы типа родственников искать.

– Ты серьёзно? Или прикалываешься?

Стасик почувствовал, как его ладони вспотели. Гавроха только слегка дёрнул головой. То ли хотел кивнуть, то ли просто...

– Слышал где-то. Ну или придумал. Но я вообще так-то не придумываю. Я больше хожу-гляжу. Типа.

Пройдя ещё пару кварталов, ребята свернули в арку между двумя старинными домами, пересекли внутренний двор и остановились у входа на чёрную лестницу, дверной проём которого, по всей видимости, был выдолблен на месте прежнего окна.

– Там на последнем этаже только бабка странная живёт, а так – никто особо не отвечает.

Гавроха погромел ключом в замочной скважине, и дверь поддалась.

Убежище представляло собой просторную мансарду, заставленную самыми разнообразными вещами, Стасик рассмотрел даже прялку, целый ряд всевозможных керосиновых ламп, маленький резной комод с перламутровыми вставками и огромную, почти в человеческий рост, деревянную струбцину. Однако, несмотря на обилие «трофеев», мансарда была на удивление уютно обустроена. Стасик не ожидал такого от Гаврохи. Хотя странно было бы ожидать чего-то от этого воплощения Хаоса.

– Гляди что есть!

Гавроха живо пересёк комнату и вытащил из угла деревянный короб, покрытый облупившимся от времени лаком.

– Это что за хрень?

– Ну, я не открывал пока, но ящик на вид старый, может, подчистим-подмажем, продадим в интернете за бешеные бабки.

– Гавроха, ты где это вообще находишь? – Стасик шагнул к стопке больших старых книг, увенчанной гипсовым бюстом в игрушечных наушниках.

Гавроха пожал плечами.

– Ну, гуляю, попадается всякое...

– Мне вот что-то не попадается.

– У нас неподалёку дом старый сносят, под парковку. Подрядился туда рабочим, вот и присмотрел.

– Понятно...

Стасик подошёл поближе к Гаврохе и склонился над ящиком.

– Я бы, наверное, не стал брать что-то, не зная, что это.

– А у меня эта... – Гавроха постучал пальцем себе по носу. – Чуйка.

– На вид – чемодан с инструментами.

– И довольно тяжёлый.

Стасик внимательно посмотрел на Гавроху, ища в его лице какой-то намёк, фальшь, хотя бы тень нормальной человеческой эмоции.

– Я бы прямо на месте открыл, – сказал он, следя за Гаврохой. – Просто потому что интересно.

Гавроха ничего не ответил, только слегка дёрнул плечом и стал ощупывать ящик.

– Мать моя женщина! – восторженно воскликнул он, когда сработал потайной замок.

– Да что там?

Стасик нетерпеливо подвинул Гавроху и, встав на колени, открыл деревянный короб.

– Клондайк! Я не знаю, что это, но оно выглядит тыщ на десять, не меньше, – не унимался Гавроха.

– Ого, это фотоаппарат...

– Наверняка девятнадцатый век, – пробормотал Гавроха, уже ища информацию в интернете.

Стасик с недоверием покосился на Гавроху, но ничего не сказал.

– У меня есть один знакомый паренёк, у него брат отчима работал краснодеревщиком у прикольного старика, и вот у него однажды был заказ от такой... странноватой тётки... – Гавроха продолжал что-то бубнить под нос, пролистывая страницу по продаже винтажной фото-

техники. – Ну, смотри-ка, если начать торговаться с пятнадцати, то тыщ за семь минимум можно будет продать...

Пока ощущение наживы гнало Гавроху на поиск покупателей, Стасик продолжал осматривать старинный корпус с потрескавшимся лаком, винты, потёртую кожаную гармошку фокусировочного меха.

– Не думаю, что кто-то купит, – подал голос Стасик. – Смотри, тут не хватает детали.

Стасик показал на щель шириной примерно в сантиметр.

– Туда, наверное, вставляется... – Стасик стал щёлкать пальцами, подыскивая слово. – Ну, типа картридж. На что снимать.

Гавроха ненадолго завис с рассредоточенным взглядом. Нижняя губа у него слегка подрагивала, будто он проговаривал что-то про себя. Прошло совсем немного времени, и Стасик даже не успел испугаться. Гавроха пришёл в себя так же внезапно, как и выключился:

– Я покажу тебе лучшее место этого города!

Он вскочил и с силой хлопнул Стасика по плечу.

– Ну что, поехали?

– Мы же только пришли.

Стасик поднялся с колен и отряхнул штанины.

– Знаешь, это всё, конечно, круто... – Стасик замялся. – Но мне кажется, приколы слишком затянулись.

Гавроха с немым вопросом во взгляде уставился на Стасика.

– Ну, в смысле... Ты меня не знаешь, я тебя не знаю... – Стасик обвёл руками мансарду. – И вот мы здесь.

– И чё?

Гавроха с искренним недоумением глядел на Стасика. Возможно, он и правда был иного склада, и относиться к нему стоило как-то иначе. «Не попадай, пожалуйста, в сомнительные компании» – он опять припомнил себе мамины слова. Ну а что ему ещё делать, если тут все – странные.

– Короче, – заговорил Гавроха. – Ты мне все мозги вывернул. Оставайся, короче, здесь, завтра с утрца сгоняем в одно место, это Клондайк!

II. Блошиный рынок

Стасик лежал на узенькой оттоманке в убежище и размышлял о прошедшем дне. Согласившись остаться, он подразумевал, что и Гавроха составит ему компанию. И у него будет первая вечеринка или что-то вроде того. Словом, некое мероприятие, которое подошло бы под понятие «дружеские посиделки». На «тусовку» он пока не рассчитывал. Но Гавроха куда-то растворился, оставив только связку ключей. Чуть покопавшись в себе, Стасик обнаружил, что совсем не обижен таким раскладом. В его распоряжении оказалась уютная комната, где он может переварить последние события и подумать о том, как ему теперь найти ту девочку из парка.

Чтобы отыскать человека сейчас, не приходится прикладывать слишком много усилий. Каждый из нас борется за то, чтобы подтвердить собственное существование, выкладывая ежедневно фотографии себя, своих друзей и всего, что хоть как-то цепляет внимание. Еду, билеты на поезд, самолёт, на концерт – показать, что его жизнь полна событий. Нет, кажется, ни одной вещи, которую бы современный человек, имеющий такую возможность, не сфотографировал бы, словно уверенный, что мир за границами объектива не существует. Цветы на клумбе у дома, газон в парке. Машины, последний трамвай на пустой улице. Эффектно покосившийся фонарь, утренний кофе... Каждый человек как на ладони и намеренно выставляет себя напоказ, оставляет цифровые следы, пытается быть кем-то увиденным, замеченным, найденным.

Сам Стасик почти не сидел в социальных сетях в интернете и уж совсем никогда не фотографировался добровольно и не размещал свои фото на всеобщее обозрение. В противовес всем людям, которые, следуя его размышлениям, фиксируют и как бы подтверждают своё существование фотографиями, он, не делая ничего подобного, всё-таки чувствовал себя вопиюще видимым, слишком заметным. Рассуждая об этом, он как бы кругами обходил главную мысль: как отыскать ту девушку из парка. Если уж в Сети можно найти каждого – неужели он не справится с этой задачей? Такие, как она – красивые, яркие, – всегда в первых строках. Наверняка у неё много подписчиков, но он напишет ей первое безликое сообщение, и она не ответит ему. Тогда он придумает что-то невероятное, из ряда вон, вспомнит парк, тот взгляд... И тогда она ответит и добавит его в круг своих друзей...

– Это бесполезно, – пробормотал он себе под нос.

Он сел и взял с комода стакан с уже остывшим кофе. Посуды здесь было маловато, поэтому пить приходилось из стакана, используя подстаканник – серебряный и весьма винтажный, по словам Гаврохи. Было не очень вкусно, но интересно. Отхлебнув немного, Стасик обратил своё внимание на старинный фотоаппарат. Они с Гаврохой так и оставили его полусобраным, торчащим из коробки. Он смотрел теперь на Стасика своим пустым слепым объективом, и Стасик вдруг особенно остро почувствовал его болезненную ущербность. В фотоаппарате не доставало всего одной тоненькой дощечки, но без неё он был обычной коробкой с линзой и кожухом-гармошкой. Нелепая, в общем-то, конструкция.

Минуты бежали: откуда-то из Гаврохиных завалов тикали часы, как-то странно, через раз, разделяя время на неравные кусочки – секунда, две, минута. Под это тиканье Стасик вглядывался в черноту объектива, и с каждым следующим щелчком он будто проваливался туда всё глубже и глубже.

Когда Стасик полностью погрузился в темноту, тиканье часов вдруг стало нормальным. Где-то по ту сторону деревянной коробки родился неясный образ: синяя стена. К стене прислонена гитара, рядом вешалка для одежды, край письменного стола. Женское плечо. Стасик знал лицо, которое ему принадлежит. Он стал напряжённо вглядываться и поймал уже начало движения: девушка собиралась обернуться. Стасик вот-вот ожидал увидеть ту девочку из парка.

Телефон зазвонил неожиданно и необычайно громко. Стасик дёрнулся и упал с диванчика, прямо в лужу пролитого ночью кофе. Звонил неизвестный номер, на часах было семь утра.

Глубоко внутри Стасик чувствовал волнение и предвкушал что-то невероятное – куда Гавроха поведёт его сегодня? Он уже мысленно готовился вскрывать замки и преодолевать немыслимые преграды, перелезать через ограждения, бежать от собак или пробираться по заброшенным домам. Гавроха мог затащить его куда угодно. И самое страшное в этом было то, что Стасик сам был не прочь следовать за ним.

В этот раз Гавроха взял его с собой в долгое путешествие. Центральная часть города осталась позади, началась полоса спального района.

– Блошинный рынок?

– Смотри, какая роскошь. – Гавроха развёл руками в стороны, представляя вниманию Стасика всё разнообразие местного развала. – Лучше, конечно, приходить к открытию, но летом тут больше народу, может, найдём что-нибудь подходящее.

Гавроха развернулся к рынку и уверенно нырнул в междурыдье. Стасик боялся упустить его из виду, поэтому торопился. Он не успевал даже как следует рассмотреть товары, наваленные кучами перед посетителями рынка.

– Эй, не беги ты так!

– Да тут хлам, сразу видно. Давай сюда.

Гавроха дёрнул Стасика за рукав, свернул в соседний ряд и наконец остановился. В этом ряду на столах и витринах лежали самые разные вещи – самовары, резные комодики, столовые приборы, стулья и целые горы фотоаппаратов разных времён. Это был источник, из которого Гавроха подпитывал свою коллекцию в убежище. Большую часть выставленных на продажу предметов Стасик даже не смог опознать, но, благо, примерно представлял, как должна выглядеть недостающая деталь.

– Смотри. – Гавроха ткнул Стасика в бок и кивком головы показал на какую-то кучу. Стасик заметил довольно симметричные олени рога.

– Почём рога? – Спросил Гавроха у хозяина лавчонки.

– Ну... – Хозяин сделал вид, что задумался. – За три тысячи отдам.

– Две с половиной, – возмутился Гавроха. – Вон там, вы только гляньте, а! Стасян, ты смотри, какая плешь! – Он ткнул в сторону рогов пальцем. – Это что за потёртости такие подозрительные? Я такие рога максимум за две бы взял.

Гавроха смотрел на продавца абсолютно пустыми глазами и улыбался. Выражение его лица было немного глуповатое, но в то же время непроницаемое. Это была определённо маска, но что за ней спрятано? Стасик даже боялся предположить. Гавроха как будто был и вовсе без лица – непонятно, что он знает, а чего нет, что говорит наугад. О чём думает и что чувствует – всё это было скрыто лёгкой улыбкой и редкими нервными смешками невпопад. Чаще всего выглядел Гавроха придурковато, но его ловкость и безошибочность порывов говорила в пользу какого-то хаотичного гения.

Стасик ненадолго отвлёкся на размышления, а когда пришёл в себя, увидел, как Гавроха выкладывает из своего рюкзака латунные ручки. Видимо, он их слегка почистил, оставив тем не менее немного налёта. Наверное, для ощущения старины.

– Во, шесть штук, комплект. Начало девятнадцатого века.

«А вчера был восемнадцатый, и какой ещё комплект?» – подумал Стасик.

Хозяин оленьих рогов замолчал и насупился, шевеля густыми усами.

– Они латунные, можно и в цветмет сдать, но я бы не советовал совершать подобную глупость – антиквариат всё-таки. Может, даже конец восемнадцатого... – Гавроха издал свой неуверенно-нервный смешок.

Видя, что продавец сомневается, поглядывает то на рога, то на ручки, Гавроха вздохнул.

– Ну ладно, в интернете продам, а потом за рогами приду. Вряд ли они кому ещё приглянутся...

– Ой, да чёрт с тобой, давай сюда свой девятнадцатый век, – заторопился мужик, услышав слово «интернет», и едва ли не отобрал ручку у Гаврохи.

Не сильно-то ему и нужны эти рога, неудобная раскоряка, возить туда-обратно, да и хранить негде. И вот они уже обмениваются своим хламом. Одним размашистым движением мужик сгрёб к себе оставшиеся дверные ручки, Гавроха же по-свойски отодвинул какой-то старинный резной стул с порванной обивкой и взял оленьи рога.

– Спасибо, хорошей торговли.

Мужик только махнул рукой, уже всю занятый изучением приобретения.

– Тебе зачем эти рога?

– Не знаю, они прикольные. За пятёрку можно загнать кому-нибудь. – Он покачал рога на руках. – Во, блин, здоровенные!

Чем больше Стасик наблюдал за Гаврохой, тем меньше понимал, что творится у того в голове. И эти рога зачем-то.

– А ты что-нибудь нашёл?

У Стасика появился шанс выплеснуть своё раздражение и сказать наконец, что Гавроха не даёт ему возможности что-то рассмотреть в этом мельтешении хлама и человеческих тел, но момент был тут же потерян. Гаврохино внимание уже было полностью приковано к гудящей толпе людей, которая собралась у небольшой палатки.

Они протиснулись поближе, чтобы рассмотреть, что происходит. В глубине палатки была оборудована фотостудия, на треноге стоял фотоаппарат – почти такой же, как и тот, стоящий теперь в убежище. Там молодой человек во фраке и цилиндре демонстрировал зевакам один из самых первых способов фотографирования. Всего за тысячу рублей можно было получить собственную фотографию на стекле, выполненную по давно устаревшей технологии – амбротипии. Желающих было много, нашлось даже несколько иностранных туристов. Судя по всему, дела у этого импровизированного ателье шли как нельзя лучше. Второй парень поливал прямоугольные стёкла какими-то реактивами, а девушка неподалёку предлагала купить какую-нибудь старую фототехнику, плёнку, чехлы и прочие мелочи.

У Стасика заныло внутри, не болезненно, но как-то уж очень тоскливо. Он даже машинально почесал грудь, но это что-то сидело глубоко. Умом Стасик не мог ухватить происходящее, когда подходил к лотку с фототехникой, перебирал детали. Девушка, стоящая за прилавком, что-то с улыбкой рассказывала ему, а он кивал и, кажется, даже что-то отвечал. Достав деревянную кассету с прямоугольным углублением, он показал её продавцу.

– Можно мне вот это?

Девушка оживилась ещё сильнее.

– О, у вас есть настолько старый фотоаппарат?

– Нет.

Стасик покраснел, не понимая, зачем соврал. Хотя, с другой стороны, фотоаппарат был не его. Технически всё верно. Бросив взгляд в толпу, куда несколько минут назад нырнул Гавроха, он продолжил:

– Это для друга, он собирает всякие штуки...

Живое лицо девушки мгновенно изменилось. Или же она хотела, чтобы Стасик заметил её разочарование.

– Ну, конкретно эта пластина не к каждой штуке подойдёт.

– Неважно.

У Стасика горело лицо, и он точно знал, что стоит красный как варёный рак.

– Что ж, отдам за пятьсот.

– Так дорого?! – выпалил Стасик и тут же неосознанно зажал рот рукой.

Девушка пожалала печами.

– Вы сейчас, возможно, покупаете бесполезную для себя вещь, которая может быть очень важна для кого-то другого. Думаю, это оправдывает цену.

Говоря это, она упаковала пластину в пакетик и положила перед Стасиком.

Стасик даже не попытался торговаться. Весь рынок шумом и каким-то особым настроением вдруг навалился на него всем своим весом. Он торопливо достал деньги, положил на прилавок и, схватив пластину, постарался затеряться в толпе.

Долго блуждать среди незнакомых спин ему не пришлось. Кто-то схватил его за локоть и потянул на себя.

– Братан, у меня идея на миллион. – Гавроха тараторил как безумный, и глаза его пылали азартом. – Смотри, что у меня есть.

В руке Гавроха сжимал непрозрачный чёрный пакет.

– Лабораторию в мешке надыбал, щас замутим фотку, если получится – во. – Он показал на палатку. – Готовый бизнес.

– Ты это украл?

– Нет, конечно. Просто попросил, и мне дали.

Стасик представил подвижное лицо девушки-продавца. Думать о том, что мог бы вести себя как-то иначе и заполучить пластину бесплатно, – не хотелось, как не хотелось быть тем, кто забирает себе что-то нужное другим. Не хотелось ему и быть таким же, как Гавроха. Чтобы отогнать эти мысли, Стасику пришлось приложить немалое усилие.

– Просто попросил...

Гавроха бодро закивал, мол, «ну конечно, разве бывает как-то иначе?».

– Значит, конкурента они в тебе не видят. Это всё слишком сложно, у нас не получится.

– Тебе жалко, что ли, попробовать?

Энергичность Гаврохи резко сменилась апатией. Он вдруг показался очень усталым. Его лицо расслабилось и посерело.

– Слушай, мне, короче, это...

Гавроха посмотрел по сторонам.

– Надо, короче, уйти.

Более ничего не объясняя, он сунул в руки Стасику пакет и скрылся в толпе, бесцеремонно расталкивая людей, чтобы проташить оленьи рога. Стасик растерянно посмотрел ему вслед: всё-таки какой-то он неприятный тип, непонятный и нелогичный и оттого раздражающий.

Гавроха работал на своих собственных странных батарейках, которые могли сесть в любую минуту, и поэтому он выдавал максимум деятельности, как будто выжимал из отпущенного ему активного времени всё до последней капли. А потом вдруг внезапно исчезал. Иногда не говоря ни слова, а иногда и на полуслове, будто собеседника не существовало или он ничего не значит. Как мебель. Это было странно, неудобно, не по-человечески. Зато потом он так же внезапно появлялся и был радостным и приветливым, словно ничего не произошло. Будто он не исчезал накануне.

Стасик повертел в руках чёрный пакет, завернул поудобнее и, решив не заходить в общепит, сразу пошёл к убежищу.

Купленная пластина вошла в отверстие как родная. Стасик присмотрелся внимательнее: так и есть, это была пластина. Царапина на корпусе пересекала её уголок и продолжалась дальше. И эта небольшая бороздка совпала. У Стасика не осталось никаких сомнений. Осознание этого вызвало у Стасика целую бурю эмоций. Он даже забыл, что злился на Гавроху, бросившего его в неизвестном районе, в самом центре блошиного рынка. То, что он добыл там, было гораздо важнее. Это не просто дощечка, которая подходит. Это – та самая дощечка. Пятьсот рублей были немедленно прощены. *та самая*

К нему вдруг вернулись ощущения прошлой ночи – затягивающая глубина объектива и эта потёртая деревяшка, как бьющееся сердце. Вот он сейчас вставит её в прорезь, и фотоаппарат приобретёт свою цельность, станет чем-то.

Вообще, Стасик никогда раньше не замечал в себе такой душевной чуткости. Дома он никогда не пытался мысленно оживлять предметы, не видел такие странные сны. Может, это тоска по родному городку сделала из него поэта?

Толком объяснить природу своего волнения Стасик не мог, но ему уже тоже не терпелось опробовать фотоаппарат в деле. В эту минуту он даже был рад, что рядом нет Гаврохи с его излишней суетой. Было не совсем честно испытывать фотоаппарат втайне от его владельца, но Стасик решил считать это моральной компенсацией за то, что Гавроха бросил его на произвол судьбы в незнакомом месте.

Стасик вставил картридж в прорезь фотоаппарата. Ему казалось, что он совершает какое-то магическое таинство, и это действие было слишком интимным, почти постыдным, чтобы пускать посторонних. Обычно он во всём искал совета – даже рецепт яичницы находил в интернете или спрашивал у мамы. А сегодня всё происходило по-иному. Сегодня Стасик решил довериться своим собственным знаниям. Эпоху аналоговых фотографий он почти не застал. В его раннем детстве мама делала снимки на мыльницу – дешёвый фотоаппарат в компактном пластиковом корпусе. Он помнил, как мама относила катушки отснятой плёнки в фотоателье и как он играл с негативами. Процесс превращения негативов в настоящие фотографии оставался для него загадкой примерно до восьмого класса школы, когда на уроке физики учитель кратко объяснил принцип фотоэффекта. Крупицы знаний, оседавшие в его памяти на протяжении жизни, составили в его голове довольно общее, но всё-таки цельное представление о том, как это работает.

В пакете, который заполучил Гавроха, был собран целый набор фотолюбителя: стеклянная пластина, несколько стеклянных непрозрачных бутылочек разного объёма, два пластиковых лоточка и короткая инструкция. Стасик посмотрел на этикетки двух бутылей: коллодий и нитрат серебра. «Попросил и дали? – подумал он. – Эти реактивы, наверное, стоят как крыло самолёта...» Стасика бросило в жар от волнения. Он прочитал инструкцию дважды, и процесс в ней был описан довольно просто, нужно было лишь делать всё поэтапно.

– Так, сначала – полируем...

Стасик говорил вслух, и звучание собственного голоса немного успокаивало и отвлекало от волнения. Он взял бутылку под номером один и кусочек ваты, протёр поверхность стекла. Дрожь в руках отступала перед простыми действиями. Закончив полировку, он смыл её содержимым второй бутылки, в которой, судя по запаху, был медицинский спирт.

– Теперь – химия, – сказал он, берясь за самую маленькую склянку из тонированного стекла. Он снова сверился с инструкцией: следовало разлить коллодий по поверхности пластины, а затем опустить её в нитрат серебра.

На пластину полилась желтоватая жидкость с лёгким фруктово-спиртовым запахом. Как было сказано в инструкции, Стасик налил немного на пластину и стал наклонять её в разные стороны, распределяя жидкость равномерно по пластине. Он чувствовал себя алхимиком, почти волшебником, но это его почему-то не радовало. Он уже жалел, что взялся за это дело, ещё и не дождавшись Гавроху. Процесс его тяготил, а он был всё ещё на третьем шаге инструкции. «Серебро – это же фоточувствительный слой, его нельзя засвечивать!»

Помня, что засыхает коллодий за двадцать секунд, он подскочил с места, хватая с дивана покрывало. От волнения он даже не заметил, как поранил палец, и теперь с краю пластинки расплывалось тёмное кровавое пятнышко, схватываясь в желеобразной плёнке коллодия. Стасик приоткрыл створки окна и набросил на них покрывало – его размеров как раз хватило, чтобы погрузить комнату в полумрак.

Стасик спрыгнул с подоконника и, едва различая в полутьме предметы, нащупал ванночку и взял самую большую бутылку, на которой была этикетка с номером четыре. Мысленно ругая себя, он налил наугад немного нитрата серебра и бросил в него стеклянную пластину. Он был так сосредоточен на текущем моменте, что собственный пульс казался ему ударами литавр. Возможно, он уже всё испортил, и теперь бессмысленно переживать. Но он всё равно переживал, потому что не засёк время, а пользоваться телефоном боялся – свет экрана может всё испортить.

– Буду петь, – сказал он себе и лёг на пол, припоминая какую-нибудь песню на четыре минуты.

Песня придавала ему бодрости, минутный проигрыш он напевал уже в полный голос. Должно быть, пора доставать пластину.

Он вытащил пластину из лотка и положил на салфетку. Пластина слегка помутнела, но, может, ему это только показалось. Он вложил пластину в деревянную кассету – выемка в ней была немного больше стекла, но было бы хуже, если бы стекло туда не влезло. От нервного напряжения Стасик даже вспотел, хотя ему ещё предстояло сделать снимок. Он проверил крышку объектива – закрыта, но снимается легко. Он убрал затвор камеры – не до конца – боялся, что стекло выскользнет из кассеты. Убедившись, что фотоаппарат готов, он подошёл к окну и сдёрнул покрывало. Вечерний солнечный свет залил комнату и ослепил Стасика, успевшего привыкнуть к полумраку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.